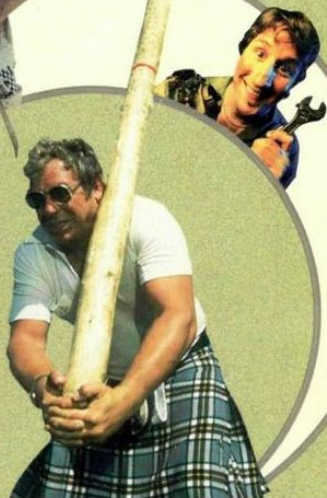

18+

Юрий Юрков

Карусель,
или
Матриархат

Юрий Юрков
Карусель, или Матриархат

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51140333

ISBN 9785449825483

Аннотация

Отличительная черта талантливого автора – использование разнообразных литературных жанров, тяготение к малым формам самовыражения, самобытный язык, умение многое видеть и отразить в сатирическом и юмористическом плане.

Содержание

С НЕПРИВЫЧКИ	7
ПРИНЯЛ МЕРЫ...	9
КАРУСЕЛЬ	11
СНИМОК В ГАЗЕТУ	18
ЗАЛЕЧИЛСЯ	22
Я НЕ ТОТ МАКАРОВ	25
КТО СОТРЕТ ТОЧКУ?	27
ФЕНТЕЗИ	31
ФРАЗЫ	34
Досадные опечатки	35
Под углом 40 градусов	36
ЖИТЬ МОЖНО!	40
Сказ про Ивана Колоскова	45
Чок-молчок	46
Павильон	48
Везучая наташка	50
Мудрый совет	51
Повезло	52
Не так жил	53
Дело было вечером	54
Свинство	55
И не спрашивай	56
Психология	57

Интересно	58
Встреча с юностью	59
ХВОСТИК	60
БЕГ ПО ПРЕСЕЧЕННОЙ МЕСТНОСТИ	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Карусель, или Матриархат

Юрий Юрков

© Юрий Юрков, 2020

ISBN 978-5-4498-2548-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Юрий Юрков (1937—2016). Отличительная черта талантливого автора – использование разнообразных литератур-

ных жанров, тяготение к малым формам самовыражения, самобытный язык, умение многое видеть и отразить в сатирическом и юмористическом плане.

С НЕПРИВЫЧКИ

Юмореска

Моя уважаемая тетушка Татьяна Александровна с базара воротилась сама не своя. Сразу в постель, что за шторой, повалилась. До вечера лежала, все охала – так у нее голова разболелась. Но потом ничего, отошла.

Узнал я, в чем дело. И знаете, такая меня злость взяла на некоторых не в меру добрых... Однако все по порядку,

Тетушка моя лет, почитай, двадцать в город дорогу не забывает, на базар в основном, но такому с ней не доводилось быть. Поначалу все обыкновению шло. Автобус к остановке подкатил. Первым, как водится, к автобусным дверкам народ молодой да сильный поспел. Уселись. Как положено уселись: один в газетку пялится, другой ребятенка на сиденье рядом лепит, те, глядишь, о спорте и модах толкуют, а тот, видать, совестливый, и вовсе в окошко личико отворотил, мечтает... Одним бабусям и тетушке моей места, как всегда, не хватило. Всего человек шесть их набралось, не больше.

А автобус тем временем вперед катится. Правда, у задней дверцы не выдержали две старушки: одна на корзину собственную моститься стала, другая из мешка и фуфайки что-то наподобие гнезда на ступеньках свила. А тетушка моя стоит себе, как положено, на передней площадке, на люд авто-

бусный нарядный да красивый поглядывает, ничего такого не чувствует.

Но тут-то моя тетушка и отблаженствовала. С ближайшего сиденья вдруг солдат, ладный такой паренек, к ней метнулся и во всеуслышанье объявляет, как докладывает. «Садитесь, мамаша, в ногах правды нет!». Обомлела Татьяна Александровна от такой неожиданности, от внимания вежливого, благодарить стала, отказываться. А солдат громовым голосом опять свое: «Садитесь, мамаша!» Куда деваться от глаз любопытных? Села тетушка. Автобус быстрый, поворотов плавных много, началось с непривычки сердцебиение у старушки, круги зеленые поплыли перед глазами, внутри нехорошо стало. Вот-вот сознание потеряет тетушка. Хотели встать было, только шевельнулась, а солдат тут-как-тут. «Сидите, маманя, отдыхайте». Все в автобусе, конечно, посматривают с любопытством на бравого солдата и тетушку.

Еще раз попыталась Татьяна Александровна подняться, да солдат ее опять своей вежливостью к месту пригвоздил. Как доехала, как шла домой – не помнит. Вез привычки, сидя-то, чуть не умерла.

ПРИНЯЛ МЕРЫ...

Юмореска

Сидим мы, родители, за партами по одному, значит, друг за дружку прячемся, учительницу дожидаемся. Нас, как всегда, мало, и десятка не наберется (это из сорока-то с лишним). Но народ мы бывалый, проверенный, из года в год одни и те же ходим,

Сидим, и от нечего делать на новичка глазеем... Надо же – новичок! Мужик вроде ничего, веселый такой, видать, сынок или дочка здорово учится, вот он и заявился... Пришла учительница, тоже новичка заметила (не каждый раз новичок на классном собрании случается, да еще папа!). Поскорее от общих замечаний она к неприятным, частностям перешла... «Вы, кажется, впервые»... – вежливо так обращается к новенькому. «Так точно», – рапортует тот, поднимаясь вместе с партией. – Я отец Саши Пыртикова, Геннадий Николаевич». «Отец Саши Пыртикова?» – переспрашивает учительница. – Прекрасно! Прямо и начнем с вас. Беда с вашим мальчиком... контрольную задачу не решил... по русскому плавает... крутится, как волчок»...

С новичка веселость как рукой сняло, а учительница все добавляет: «балуется,.. не следите...». На новичка жалко смотреть стало, весь рябиной спелой пошел, пытается защи-

щаться бедняга, дескать, жена не жаловалась, мальчик вроде тихий... Да где там! Пришлось ему поклясться, что меры примет к сыну строгие...

Как-то по весне я того «новичка» встретил. Увернуться он хотел от меня, да я опередил вопросом: «Ну как, спрашиваю, сын-то?». Пыртиков мгновенно скис лицом, помялся, оглянулся пугливо и перешел на шепот: «Натворил я... принял меры... лупил. Теперь перед домашними стыдно... Сын-то, оказывается, не виноват... Недавно узнал... Пыртиковых-то в третьих классах два. Мой-то в «Б» учится, и неплохо, хвалят... А я у вас просидел в «А». «А-а-а-а», – затянул я от неожиданности. «Вот тебе и а-а-а-а», – передразнил меня Пыртиков, махнул рукой и не простясь, нырнул в проулок.

КАРУСЕЛЬ

Юмористический рассказ

Все с ключей завертелось. Да, Да! Потерялись у нас ключи от замка «секрет»: один ключ у меня, видать, на базаре вытащили, когда я за семечками лез, другой – свояк куда-то по-пьянке. А с одним ключом – какая это жизнь! Передашь его – ключ-то друг другу, как эстафетную палочку, чуть что и... финиш на лестничной площадке. Такое началось: ребетня по улице с портфелями шастает, жена на работу опять опоздала, уходя из дома, ключ из сумочки забыло выложить, пришлось назад с полдороги возвращаться. У меня и то нервы обнаружились – это когда я через крышу, балкон и форточку в комнату свою проникал, чтоб дверь внутри открыть. Живем мы высоко – на пятом этаже – и первый раз потужил я тогда, что не застраховался на приличную сумму...

Хотел уж было я новый замок: покупать. Да вдруг слышу по местному радио про услуги всяческие объявляют. Чего я только не впитал. Оказывается, могут из салона бытовых услуг даже переводчика на дом прислать или консультанта по пирогам, а ключ для них сделать что чхнуть, приди только, не поленись с заявкой. Обрадовался я, конечно...

Прихожу наутро в салон бытовых услуг. Как и положено – к главному начальнику обратился – мужчина худой такой,

бледный. Телефон его сердечного заучил, кричит он в трубку одно к то же: «Приходите завтра», " На этой недельке загляните», " В конце месяца наведайтесь...» Вопросы-то ему вроде задают пустяковые и ответы не сложные, а главный от них взмок весь. Меня не видит, не слышит. Оперся я на барьер покрепче и снова свое тяну: так, мол и так, настроение без кляча не то... Замечем был наконец, да телефон опять проклятый раззвонился. От нечего делать стал я в положение главного входить. Вошел – главный один, а клиентов много, всякий норовит свое побыстрее ухватить. Потом до предложения додумался.

Хотел уж было главному пособить, посоветовать – магнитофон к телефону присобачить, чтобы отвечал за него: «На этой недельке загляните», «В конце месяца наведайтесь» и т. д, да главный вдруг исчез. Вероятно, через окно улетел, выросли у него крылья и улетел, иначе не мог, куда ему деться – выход-то у двери я ему отсек, а запасного нету. Позже и кассир подтвердила: " Улетел наш Степаныч в область, таперича не скоро...»

Не привык я отступать, к мастерам метнулся. На одного пожилого всё жму, в движениях и разговорах спорого. Уговорил через полчаса. Отложил пожилой мастер паяльник в сторону, мой ключ в руки принял, покрутил этак и говорит: «Это мы мигом, видишь во-о-н в углу на столе станок приткнулся... Сегодня поставили... Первый наш помощник будет, раньше мы напильником шуровали, теперь машиной

будем – техника – чик и готово».

После такого вступления у меня от души отлегло, себя даже похвалил: удачно попал... Мастер тем временем станок махонький включил. Задергался он, завизжал, даже барьер затрясся.

...Одну заготовку мастер тут же испортил, за вторую схватился, а как третью и четвертую заперол... – охладел к станку и за напильник взялся. И напильником не пошло. Еще две заготовки зашвырнул в угол. Наконец, что-то изобразил, поманил меня пальцем и толкует ласково: «Иди домой, паря, попробуй открыть дверь, если подойдет, тогда еще один ключ тебе сделаю, за два сразу и заплатишь, а свой ключ в залог оставь», «Правильно, – подивился я мудрости мастера-вого, – с нашим братом иначе и нельзя. – Доверием некогда воспитывать». А сам не мешкая – на автобус и домой. Ключ в щель замка влез, а повернуться не может. Назад еле вытащил.

Опять к мастеру. А он занят, сразу двумя делами – холодильник и электробритву ладит. Через час на меня отреагировал: «Знаю, знаю, что не подошел... Я у твоего ключа извилины завалил, вот и...»

«Причина найдена, теперь недолго, – мелькнула у меня мысль». Хотел было с мастером поделиться, что это, мол, дело поправимо, взять еще одну заготовку и... а мастер пожилой, да опытный, меня упредил: «Заготовок больше нет».

Я главного перехватил – нет заготовок, хоть плачь.

«На той недельке зайдешь». И на той недельке заходил и на этой, и в конце месяца заглядывал, и в начале – нет заготовок.

У-у-у-ф! Появились заготовки, мастер исчез. После свадьбы – племянника женил – «правил» он себе голову, да лишку взял – в вырезвитель попал. Только вышел с «каникул» – другая неприятность – инструмент у него украли, а чужим напильником – какая это работа? – это и мне, бухгалтеру, ясно. Затем у мастера поломались персональные тиски, мастер болел, а затем и «спекся». Это мне так в салоне бытовых услуг пояснили, а что это значит, – «спекся наш Абрамыч» – рассчитался-ли, на пенсию ушел или куда еще — постеснялся я спрашивать, мастера народ насмешливый, скажут еще, что простых слов не понимает.

Скоро в мастерской салона бытовых услуг я своим человеком стал, раз даже меня главный попросил какую-то железную штукюину в соседний цех отнести, отволок я железюку и опять к главному прилип. А ему не до меня – Абрамыч объявился, расчет просит. Оказывается, Абрамыча какая-то организация переманивает к себе, а главный ни в какую, трудовую книжку пытается задержать. Где еще такого умельца сыскать. Абрамыч было ерепениться вздумал: жаловаться буду, прав не имеете, а главный не будь плох – судом Абрамычу за двухнедельный прогул грозит. «Я там уже отработал, – в который раз воспламенялся Абрамыч». " Где там, где там? – кричит Степаныч, а сам Абрамычу в лицо пе-

регоревший мотор от стиральной машины тычит, со словами: «Кто отремонтирует? Кто? Если не ты?» В самый разгар борьбы слабовольный Абрамыч запил, тем самым пере- хватил инициативу и стал подбираться с другой стороны. Приходили к главному жена и теща Абрамыча, поочередно плакали ж просили возвратить кормильцу документ, мотивируя сбою просьбу тем, что на новой работе Абрамычу не придется пить. Там подобрался кадр болезный, потому и не пьющий. Главный сопротивлялся вяло, больше для виду, чтобы авторитет сохранить.

Отвлекся я. Тут вскоре сжалился надо мной мастер помоложе – Федиской величают его дружки. Тоже с лекции начал в мой адрес: «Абрамыч» – он разучился работать... Напильником – у него руки трясутся, а станок новый» освоить не может – потому, что сам старый. «Я вот напильником орудую как ты счетами, понял». «Верно! – согласился я, что значит молодость, уж этот...»

Взял Федиска заготовку и-и-и – глазам не верю – шасть к станку. Кричу ему, что ты, что ты, мол, делаешь? Все погубишь, Абрамыча-то вспомни, Абрамыча-то вспомни, Абрамыча... Поздно – Федиска уже машину подсобную включил – все в скрежете и все потонуло. После пяти искромсанных заготовок вдохновение оставило молодого мастера, поник он головенкой, но отчадал – и дальше -по-Абрамычу – за напильник взялся... Изобразил Федиска нечто похожее на мой ключ и слышу знакомое: «Иди домой, попро-

буй открыть, если...» Не стал я дальше слушать, оставил ему свой ключ, сам домок помчался. И что же? Ключ вообще никуда не годится, кое-как зачихал я его силком в щель, а он ни взад, ни вперед, ни влево, ни вправо. Тут жена с работы пришла. Такого натерпелся... Федиска еще один ключ сотворил. Я домой – такая же история, я опять к Федиске. Мастер срисовывал контур ключа на заготовку, давал «лишку» на извилины, снимал фаску, терял мой ключ и находил, советовался с главным, который плохо через Абрамыча соображал – все напрасно. Замотался а страсть, но не уходу. Мастеру надоел порядком, сколько времени угробить и не за шиш.

Однако, опомнился Федиска и спрашивает меня вдруг шепотом, у с ухмылкой:

– А твой-то ключ подходит к вашей квартир? Сомлел я от такого вопроса, слова не пророню. А мастер совсем меня доконать решил, еще добавил: «За испорченные заготовки-то кто платить будет?». Я и про автобус забыл, домой примчался. Жене опять жаловаться стал. Та слушала, слушала – дальше нашему брату лучше не читать – и заявляет: " Иди в салон, принеси мне оттуда одну заготовку».

Выследил я, как Федиски на рабочем месте не оказалось (вдруг за испорченны заготовки денег с меня потребует) и в главного вцепился. Еле упробил за деньги мне выдать одну, конечно, оплатил все как следует: пять копеек стоит сама заготовка, 35 копеек – это значит, мне мастер из нее ключ сделал, а еще 35 – он ключ-невидимку якобы опробо-

вал у меня дома и подогнал по размеру. Итого – 75 копеек!

Вечером взяла жена у соседки напильник и пока я на хоккее журился всё, им скрипела на кухне и еще щи варила, успевая меня и мастеров ключики и напильника клясть...

И сделала ключ-то. Без забот теперь живем.

Д-а-а-а, чуть не забыл. Абрамыча встретил. Вживаясь в новый коллектив, несся он с трехлитровой посудиною за пивом. В гору пошел Абрамыч, хоть и не альпинист вовсе. Он теперь на двух ставках вертится – слесарем в нашем домоуправлении и ночным сторожем в детском саду. И по старой памяти калым в салоне бытовых услуг прихватывает.

СНИМОК В ГАЗЕТУ

Юмореска

– Старик, выручай, снимок в газету надо, на ходу бросил мне наш собственный фотокорреспондент Варлам Невидимкин. В просьбе Варлам был талантливым человеком, и как всякому таланту, ему было трудно отказать. «Ладно, старик, заверил я, – помогу. Что, подсветку держать?» «Не-е, – уклонился от ответа Варлам, – там узнаешь», – и неопределенно махнул рукой.

Скатились с лестницы. Вижу, молодец бравый в кожаной куртке от безделья мается, фуражку милицейскую мнет... «В газету, к празднику... лучшего участкового надо щелкнуть!» – коротко пояснил ситуацию Варлам.

Свернули за дома и попали на тихую улочку.

По замыслу Варлама красивый угловой дом с новенькой изгородью, старым садом и водоразборной колонкой на снимке должен был воплотиться в справную деревенскую усадьбу, типичную для нашей деревни, и усыпить бдительность доверчивого читателя. И еще замыслил Варлам – видеть своего героя на снимке ведущим профилактическую беседу с гражданами села.

Только где их взять, граждан-то? Первая надежда Варлама – старушки. Но на этот раз -осечка! проходящая бабуля

кричит изо всех сил «я глухая!» Вторая заявляет «я старая!» Третья некстати вспомнила, что в девушках была некрасивой... Из дома, у которого мы остановились, вывернулась первосортная бабуля с ведром в руках, но, сообразив в чем дело, тут же спряталась.

Варлам сказал, что такое в его практике впервые... Участковый предложил сгонять на «газике» в деревню за настоящими сельчанами. Варлам прикинул, что к чему, и сказал: «Не успеем, надо ждать...» И, правда, видим – молодлица идет – бредет с сумками в руках. Мы к ней. Она от нас. Затем постарше женщину остановили, та позировать из-за старого пальто отказалась.

Стали «хватать» всех подряд. Бестолку. Надумали расходиться». Глядь – гражданин один, веселый такой, вышагивает, в клеточку пиджаке нараспашку. Увидел он нас, обмяк весь, понял по нашим глазам – не уйдешь.

Варлам стал было длинно объяснять ему, для чего снимок, но «последний шанс» и не думал уходить, как будто всю жизнь мечтал в газете покрасоваться. Главное безропотно повиновался, выполняя требуемое. Его телу можно было придать любую позу, он застывал в ней и казался деревянным, и при этом не выражал ни досады, ни радости. Наконец, его поставили боком к участковому, и заставили улыбнуться.

Остальные действия происходили вокруг него. Участковый достал блокнот и карандаш. Я по совету Варлама, чтобы не быть узанным, «снял очки и встал спиной к объекти-

ву, полы шляпы загнул вниз, а воротник плаща – вверх. Варлам, словно отстреливаясь из пистолета, бегал и приседал вокруг нас. Сделав, несколько «щелчков», он уверенно произнес: «Не то!» Я хотел было ускользнуть за будущий кадр, Но Варлам живо забеспокоился, заявив, что я здорово играю спиной и на мне все держится. Пока я тужил, что не подался в свое время в театральный, Варлам вновь щелкнул затвором. Однако, ободренный похвалой, я увлекся и сотворил сразу три ошибки... Варлам мягко поправил меня: «Старик, повернись, пожалуйста, опять спиной, закрой рот и не махай руками, а то все подумают, что тебя задержали с поличным».

Я занервничал и стал уползать за кадр. Варлам вновь проявил служебную бдительность и пресек мои поползновения. Однако нужное не получалось, и он стал компоновать нас по новому...

Наконец, Варлам произнес: «Кое-что наскреб, но все не то... Надо убрать водоразборную колонку и тебя...» «Как мёня?» Я обиделся и хотел уйти, но, оказалось, еще раньше, не объяснив причины, исчез клетчатый пиджак вместе со своим обладателем.

«Последний кадр остался», – вдруг сник Варлам.

Не растерялся один участковый. Он попросил Варлама сфотографировать его одного просто так, на память, и без всяких выкрутасов. Явно перегоревший от долгих маневров Варлам щелкнул затвором фотоаппарата последний раз.

Этот снимок «по пояс» и увидели подписчики местной га-

зеты десятого ноября на праздничной полосе, посвященной милицейскому празднику.

ЗАЛЕЧИЛСЯ Юмореска

Мне на приём к терапевту, в кабинет №29, нас человек десять, с талончиками на очередь и без оных, кашляющих, нервных, жаждущих выздороветь разными путями: один молчком лезет без очереди, другой хочет только спросить, двое унеслись в регистратуру за карточками, один застыл с градусником подмышкой. Бойкое место ЦРБ. Напротив кабинет №30, куда стекаются пациенты не нам чета: перевязанные, на костылях, ахающие и охающие, а один пришёл на приём своим ходом, а «ушёл» – на носилках... Рядом с нашим кабинетом №29 в дверь без номера с разбегу как к себе домой уверенно ныряют здоровые на вид люди, вроде, как они случайно в больницу попали, а выползают они из-за двери, тихие, озабоченные...

И вот среди этого круговорота вдруг возникает ещё крепкий мужчина в синем новом костюме, живой, подвижный, очень симпатичный по первому впечатлению.

– Товарищи! – обращается он ко всем сразу, – где тут кабинет №21?

– Нет здесь такого, – наперебой спешат объяснить ему, – 29-й есть, к хирургу и на перевязку в кабинет №30, пожалуйста, вот кабинет без номера... может ваш?

– Нет, здесь я был, это, наверно, процедурный, мне нужен 21-й... Мужчина недоверчиво хмыкает и растворяется в коридоре, чтобы минут через пять возникнуть снова.

– Кабинет №21 где?...

– Товарищ, вам а который раз объясняют: нет здесь такого кабинета,

– Как нет... как сейчас помню: рядом с кабинетом №30 кабинет №21.

– Ну и ищите свой кабинет, только нас оставьте в покое.

– Нашёл похожий в другом крыле, но там ремонт.

– Но 21-й-то остался или там тоже ремонт?

– Не знаю... 21-го тоже нет на месте, наверно, перевели.

– Но и здесь нет 21-го.

Мужчина соглашается, удивлённо крутит головой и вновь отправляется на поиск... Появляется минут через десять с надеждой...

– Где-то здесь кабинет №21?

– О-о-о, – вздыхают все дружно, – товарищ, нет здесь кабинета с таким номером, поймите, вам бы лучше врача на дом вызвать...

Страдалец появляется ещё несколько раз теперь он не спрашивает нас, а ходит и смотрит молча, видимо, соображает что-то. Наконец ловит медсестру, но и та жмет плечами – злополучный кабинет №21 как сквозь землю провалился. Нет и всё...

Через полчаса и я выхожу из кабинета терапевта, и первое,

что я вижу, навстречу – знакомый-незнакомец.

– Нашёл, – спрашиваю я, – кабинет №21?

– Товарищ останавливается в нерешительности, лицо его выражает смущение и грусть...

– Спутал я всё, города спутал... область с районом...
Вспомнил в Туле кабинет №21 находится, там я лечился.,
а я его в Узловой ищу...

Я НЕ ТОТ МАКАРОВ

Юмореска

/

Спешу, господа, спешу... Новый год на носу, а мне ещё в милицию надо успеть, потом в газету... Но обо всём по порядку... Сидим, мы, значит, в отделе... «Работа какая?» Да ни какой, ни до работы сейчас – четвёртый месяц, нет пятый с утра до вечера зарплату ждём, а также «чернобыльские, «детские», дивиденды... Голова кругом идёт – сколько их, денег-то. Но пока не зажмешь купюры в кулаке – радоваться рано. Так, зарплату, которую утром давать хотели, «налоговая» ночью реквизировала, «чернобыльские» пенсионерам отдали, а с дивидендами родное предприятие расстаться никак не может-боится обанкротится. Но мы не сдаёмся: организовали по всем правилам слежку за Главным финансистом и его подручными. Куда они, туда и мы: они в банк и наши там, финансисты из банка прибыли и задним двором хотели проскочить да на засаду из наших нарвались, другие у кабинетов, у кассы, у телефонов дежурят... И вот в разгар этой «работы» – в отделе человек объявился, вернее господин, вальяжный такой, одет, значит, шик-модерн, за ним два «шварцнеггера» маячат, видать, телохранители. «Я, – говорят господин, – есть предприниматель-бизнесмен. Вот про-

дукцию у вас для фирмы закупаю, оформить должен... По-знакомимся – Сергей Иванович Макаров». Все, конечно, кинулись во исполнение, не каждый день такое чудо коммерции. Один я, как услышал данные господина, шевельнуться не могу, ноги ватные, сознание мутится... Я ведь тоже Сергей Иванович Макаров, однофамилец, значит, со всеми вытекающими отсюда последствиями. А последствия таковы – это, значит, я себе живо представил... Тёзка-бизнесмен сел и укатил в своём «Мерседесе» в офис, а может и за границу, а я остался... Выхожу на улицу а там уже киллер меня в оптический прибор ловит, приговаривая, ишь как вырядился в тряпье, думает не узнаю, и уже курок нажимает, или фугас издали управляемый мне под асфальтом подложили, и вот я уже лечу, расчлняясь в воздухе... Долго-ли спутать при теперешней спешке и неразберихе. Ну ошибётся разок киллер – не того уберёт – не велика беда – поправится, а на моё место с «биржи» сто человек прибежит, право на труд завоёвывая... Так что бегу, бегу в милицию, господу, в паспортный стол... фамилию менять, а оттуда напрямиком в местную газету «Знамя» объявление давать, я, мол, не тот Макаров, не бизнесмен, а так жалкий служащий, не получу жалованье ещё месяца два и так помру, без пули. Не убивайте меня, господу киллеры... Я не тот Макаров... Дайте хоть Новый, 1997 год, справить.

КТО СОТРЕТ ТОЧКУ?

Юмореска

– Тьфу. Ээхх, л-и-им-о-н-ончики, зачем цветете вы в моем саду? Я говорю молчать, любого зашибу.

– Товарищ, нехорошо, здесь дети, – неуверенно заметил пожилой мужчина. – Если выпили?

– Что-о? Видел очкарик. Огромный, грязный кулак, очутился перед носом очкарика и произвел на него, явно, невыгодное впечатление.

– Ишь, указывает. Ты меня поил? Я спрашиваю, ты, меня поил?

Тьфу. Да я шофер первого класса, а ты, тьфу... козявка! Это я щас без руля. А то! Эх, жизнь была! Приезжаешь из рейса, бутылок пустых пол-кузова. Сдашь и опять похмел обеспечен. Гуляю. А вот, весной, не повезло. Не помню, сколько врезал с дружками... Только просыпаюсь. Ух-х. Милиционер рядом стоит... Вставай, говорит, приехали.

Я ему: «Начальник, да я дома... Гляделки продрал, значит, и давлю косяка... ы-ы, не верю, мать моя. – „Маз“ мой на газоне у дворца культуры... Все разворотил, елку подмял. Ы-а-а. Заплатить пришлось. Какой выпивон пропал. И права отобрали на полгода. Не понимают. Я же – первый класс...»

А ты, что угнулся, видать... умный. Да, я хоть и слесарь

первого разряда все равно, а как щас дам!

– Да, ты что, я тебе друг, Петя, – промямлила фигура в желтой фуфайке.

– Ну, смотри, камса, а то враз... схлопочешь.

– Эх, пропадаю. Раньше, хоть через раз пил, а щас каждый день. Тьфу. С утра начинаешь, соображать. К концу смены, вдрызг. Вчера всю ночь ходил остановку искал. Просыпаюсь. Тьма. Башка трещит. Говорю: «Мать, дай-ка махотку с молоком». Слышу: «Бензинчику не хочешь, боров. Очухался. Заправка! Тетя Дуся замечает. Ну, хоть на работу, не опоздал. Вот так идет, то на троих, то похмел. Права не отдают. Сегодня с горя опять хорошо подали...

– Петя, – пискнула старая учительница, по-воробыиному вертевшаяся справа у окна, на скамье «Для детей и инвалидов». Не хорошо, Петрушаю, выразаться

– А-а-ычч, Маргарита Андреевна, извиняюсь. Вот, вас люблю, учили вы мене, эхе-хе-е... на собак брехать. Вот так, весь автобус к ногтю. Тьфу-у. Тс-с, тес, т-есс. А ты, что, Николай Иванович улыбаешься? Вывеснка у тебя безобразная и я ее сейчас поправлю... Подумаешь, инженер, Бракодел, ты, а не инженер. Две девки у тебя, а у меня сын, в меня бандит. Ухх! Вчера таз малированный проткнул напильником. Не слушается с-с-с-стервец. Нюрка родила Серегу-то. Н-е-ет, Маруська родить не успела, я ей по пьянке, по тыкве...

– В милицию бы тебя, супчик, – мечтательно произнесла фельдшерица с шахтного медпункта. Она была зла. Обычно

она без устали трещала на весь автобус, высыпая на уставших людей ворох сведений, почерпнутых из медицинских справочников.

– Кто сказал? А-а-а! Вы-ы студентики-химики, брысь. Тьфу. Химичите. Знаю, таких, бывало глазом моргну, уже в машине. Го-го-го: Тьфу. Не пищи, знаю, говорю, таких. Слушай мою историю. Кто меня не знает – узнает Петьку Клячкина. Двоих побил. Сунули восемь лет. Подфартило, под амнистию попал. А потом дружки подвели. Еще – три года... Тайга. Овчарок голыми руками душил...

– Молчать! Тьфу! Кому говорю. Бот сидение, все видите и слышите. Ставлю пальцем точку. Кто сотрет – покойник! Я, значит, держу верхушку... Сотрешь ты- твоя верхушка!

– Ты, что разбубнился, хам? Сил нет терпеть больше, – вдруг раздался тихий голос белобрысой кондукторши. – Ну-ка, давай на билет. В прошлые раз не заплатил, катался, пока дружки не выволокли.

– Что, да я тебя, вобла. Сомну, подшибу подставки, Ишь, краля. Знаем таких. Начальник в кабинет вызовет и план готов, с премией. Ого-о-го!

– А, ты, еще и семечек нагрыз, хулиган и платить не хочешь. Миша давай-ка в милицию, быстро протрезвеет.

– Что-о-о? Граждане, это не это, не по-нашему. Дорогуша, голубчик! Да, я возьму. Мы с тобой, Маруся, тьфу, завербуемся на Север, «Волгу» зашибем. На руках тебя понесу, как куколку. – Бросай работу. Дай, билетик.

– Заметай, на веник.

– Да, что ты, Сонюшка, тебя давно признал, как можно?

Не позволю при честном народе.

– Миша, вези.

– Да, я мигом, руки трясутся. Раз и в ведерко. Чистенько, как в стакашке... Наврал, наврал и про кабинет, и про премию, и про тюрьму с овчарками, и в тюрьме не был, все больше по 15 суток отбывал.

– Точку сотри, дурак, мажешь тут грязными руками.

– Это мы быстро, твоя верхушка, золотце, твоя. Ишь, смеются, не уважаете, не стыдно вам, детей имею малых...

ФЕНТЕЗИ

Юмореска

Выходя из дома в весьма хорошем настроении, я след след попал в компанию Вальтезы, возвращающейся с работы.

– Моего не видел? – спросила она меня первым делом.

– Игорька, что ли, – обрадовался я, вспомнив ее выпивающего супруга.

Вальтезу, как говорится, из десятка не выкинешь, а кто устоит перед красотой, и меня понесло: «Где ж ему быть, наверное, на рыбалке, запаслись со свояком удочками, червяков накопили... , конечно, и с собой прихватили пару бутылок (и я выразительно пощелкал пальцами по горлу в районе кадыка),... удочки, значит, закинули. Выпили. Мало показалось. Рыбалкой в основном Игорек занимался, а свояк за самогонкой подался, к Серафиме... у ней знатная «жизжа», наловчилась самогон с димедролом гнать: ноги отказывают сразу, и ничего не помнишь... потом в долг, до получки у другой самогонщицы-Наташки перехватили... теперь им не до рыбалки...

Вальтеза слушала меня внимательно, пытаюсь определить, правду ли я говорю:... «Где же, думаешь, они сейчас?»

А я продолжил фантазировать: «Игорек, конечно, домой

приполз, на навозной куче, как в прошлый раз, отсыпается, тепло, а свояк как обычно в лопухах у дороги, сапоги и кепку еще раньше потерял, но живой!

Я продолжал в том же духе, но Вальтеза меня уже не слышала, а вскоре с ее подворья раздалось: «Паразит! Опять набрался, все деньги, что на хлеб оставляла, нашел. Я тебя щас...». Послышались удары и стоны. Обычное дело для наших мест.

Но к вечеру в конце огорода, когда я, подхватив ведра, решил заняться поливом капусты, передо мной из ниоткуда вдруг выросли две могучие фигуры, явно караулившие меня в кустах. «Игорек со свояком, – мелькнула запоздалая мысль, – чего им надо?» Но ситуация прояснилась быстро, когда меня взяли за «грудки».

– Ты что моей Вальтезе наплел на счет рыбалки? – процедил сквозь зубы Игорек, – мол, пили там... с собой принесли... за самогонкой гоняли, деньги в долг искали... Ты с нами пил? Откуда знаешь, что я отсыпался за двором... Про свояка рассказал, что его в кювете нашли и домой привезли на лошади без кепки и сапог.

– Ребята, да вы что, – залепетал я, еще чувствуя железную хватку Игорька и стремительно приближающееся дыхание свояка, готового по первому сигналу стереть меня с лица земли, хотя для этого хватило бы и одного Игорька, с его бульдожьим захватом. Друзья мои, я просто шутовал, фантазировал, значит, представил себе, как могло быть... вы же

знаете, что я непьющий.

– Теперь будешь пить лекарства, – мрачно пошутил свояк, заходя сзади.

– Ребята, я же свой, деревенский, сосед ваш, все собирался с вами поближе познакомиться, четвертинку припас.

– По тому, как дрогнула и ослабла рука Игорька, осеклось и стало отдаляться паровозное дыхание свояка, понял: защита сработала.

– Смотри, больше не возникай.

Два громадных кулака, описав вокруг моей физиономии замысловатые траектории, ушли с орбиты.

– Ладно, так и быть, бить не будем, но больше не шуткуй, где твоя четвертинка, быстрее тащи.

Домой я слетал как на крыльях...

– Жив, жив, – пела душа, повезло, не убили – выручила четвертинка».

С тех пор не фантазирую, не шуткую, а Вальтезу стороной обхожу.

ФРАЗЫ

До тех пор доказывал, что он хороший, что его стали считать плохим.

Графоман, попав на тот свет, стал творить и там, но апостол Петр пригрозил ему возвращением на землю.

Любитель штурмовщины, укорачивал один путь, не догадываясь, что увеличивает другой.

Трудная работа, – говорил неэрудированный плагиатор, – каждая похищенная мысль стоит десятка своих.

Приспособленцу сказали, что он вылитый «крокодил». Приспособленец тут же сменил трость на вилы.

Досадные оцечатки

«Дьявольвация» фунтов стерлингов.

Говорил знакомым, что у него в подчинении вистЮбиляр-
ный аппарат.

«эСэС калация Пентагона во Вьетнаме.

«Кап-капперативный» дом.

Под углом 40 градусов

Пошел по стопкам отца

Бокальное трио

Пьяный гардеробщик опять выкидывал номера.

Находясь на излечении, алкоголик стал «перебирать»

в уме,

Начайство

Трудовые бубни

Народный искажитель

Клестный ход на пасху

Палочки-скиталочки

Завлисаскладом

Напивает себе цену.

Пропил годок заводской

Сутрапезники

Рыцарь без страховки и упрека.

Ликеро-водочные иззелья.

Автобус зального следования.

Пьяница: ходячее выражение.

ПЕТЯкантроп.

Начиняем местную передачу.

Украшение строптивной

Клёнопись

Смогшибательная погодка

По юлению сердца

ФРАНТовик

Адокомнатная квартира.

Самогонщице: и на старуху бывает порука

Лодырю: на перекур трудностям

Вес попутал – оправдывался продавец.

Туристы на ломе природы.

О нем всегда вели разговор, как о стоящем футболисте

ЖИЛАнный друг

Спорная страны по футболу

Фюйтьболист.

Дрожащая половина.

Пожарный инспектор испытывал особую симпатию
к бесПечным домовладельцам.

Тоска почета

Хромология

Путаводитель

Грамзапасы

Перед стартами – тренер горнолыжникам спуску не давал.

Жизнь футбольного вратаря – это взлеты и падения,

Хочешь пойти в гору – стань туристом.

Мечта вратаря ватерпольной команды – выйти сухим
из воды.

Во втором тайме команды обменялись фолами.

Про хоккейного вратаря, впервые одевшего маску, стали
говорить, что он, наконец, нашел свое лицо.

Первые большие шаги в большом спорте сделал спортсмен на соревнованиях в тройном прыжке.

«Прямо прохода не дают», – жаловался центрфорвард на защитников команды противника.

В узких кругах имел большие связи.

В чем сомневаешься, то знаешь лучше всего.

Нерадивый пастух держал коров в загоне.

Коллектив жаловался – в один голос.

Опростоволосилась – смыла краску с волос.

И сухарь-человек, может иметь подмоченную репутацию.

Складка произвела на утюг неизгладимое впечатление,

Иногда схватиться за соломинку важнее, чем схватиться за ум.

Из докладной прораба: материала нет, возвожу воздушные замки.

Даже в черных очках оптимист все видел в розовом свете.

Для домашних сцен репетиции не требуются.

Болезнь вывела алкоголика на чистую кожу.

«Мне хоть бы хны», – не унывала одна из модниц.

«Какая муза его укусила?» – размышлял редактор, читая рукопись начинающего критика.

Мечта начинающего прозаика – попасть в переплет.

«Ни слуху, ни духу», – так выразился руководитель духового оркестра об одном из музыкантов.

«Шутки в сторону», – приговаривал конференсье, готовясь к выходу на сцену.

«Не будь дураком», – увещевал режиссер артиста, отказывающегося от роли Иванушки-дурачка»

Августейшая особа: ушедший в отпуск в августе.

Прежде чем решиться на замечание- подумай, а сделаешь ли ты подобное замечание своему начальнику.

Если разговор двух собеседников возвращается к тому с чего был начат, значит разговор надо кончать.

ЖИТЬ МОЖНО!

Юмореска

Ура – а – а! У нас новенькая сотрудница в отделе появилась... Радости-то, радости! Карау – у – ул! сколько у ней увлечений и подруг!

Зоинька (так новенькую величают), в свои девятнадцать лет уже дважды побывала замужем. От пережитого она подолгу и с удовольствием курит и названивает по телефону задушевной подружке-Феньке, или Фенька звонит ей. Кончается разговор всегда одним и тем же – Зоинька заедет за Фенькой или Фенька навестит Зоиньку.

В свободное от этого важного дела Зоинька наводит красоту: красится, выщипывает брови, занимается ногтями; не без интереса смотрит в окно или привычно глотает какие-то пилюли, а иногда открывает книгу и пробует читать. Уморясь, уже на 1-й странице, тщательно готовится к чаепитию и никогда не выключает приемник. Она вечно не высыпается. Ей лень сходить в столовую. Одним словом, Зоинька полностью разочарована в жизни. Но и это полбеды.

– Можно закурить, Трофим Маркелович? – слышу нежный голос. Это ко мне. Я краснею от внимания и... разрешаю. На мое несчастье – я не курю.

...Скоро Зоинька скрывается в сиреновой дымке... Гово-

рят, что это очень хорошие сигареты... На Зоиньке очень много драгоценного металла и редких минералов. А как ей идет курить: тогда она становится похожей на киногероиню... Но вот Зоинька начинает двоиться, троиться, затем спиралью вытягивается вверх и превращается в сияющую башню, вдруг расплываясь, преобразуется в подобие ювелирной витрины... Когда Зоинек, башен и витрин становится несколько, я понимаю, что отравлен, качаясь, выхожу в коридор... Семь шагов вперед – семь назад. Здесь у кабинета шефа – безопасная зона, здесь не курят. На улицу тоже не выскочить без потерь – на лестничной площадке у таблички «Не курить» во всю дымарит готовый рассыпаться в прах от прикосновения ласковый старичок с пергаментным лицом; рядом – жадно поедает дым молчаливый молодец с огненной бородкой и баками. Это завсегда. Распахиваются двери и бегут, бегут курильщики из других отделов, на ходу, словно собираясь драться, выхватывают из карманов кулаки с зажатыми в них папиросами и спичками.

Я опять ныряю в кабинет и некстати... Зоинька как обычно разговаривает по телефону, на этот раз с нервным молодым человеком. Суть беседы: что будут делать вечером? Мне становится неловко, и я опять выхожу в коридор: гуляю, а дело ждет. Вчера взял бумаги домой поработать, не сделал и забыл их... Сегодня, слоняясь по коридору, подсчитал, что ласковый старичок и молодец с огненной растительностью тратят на курево в два раза больше времени, чем на работу.

Мне неудобно и даже опасно для здоровья находиться в помещении, когда к Зоиньке приходят ее подружки – пощебетать о милых пусячках, без которых, оказывается, нельзя прилично существовать.

– Мы отравимся, Тимофей Маркелович, – предупреждают девочки.

– Н – не надо... вредно... легкие, поджелудочная, – неуверенно отбиваюсь я. Поздно! Как три пистолетных дула, целятся в меня еще три сигареты... Я успеваю выскочить в коридор... размышляю... Подружек Зоиньки почему-то никто никогда не спрашивает и не ищет, а они ведь на работе и часто в разговорах упоминают прекрасные слова – «аванс», «получка», «премия», «тринадцатая». Бывают дни, когда подружки не уходят совсем: варят супы, обедают, учатся вязать, примеряют «фирму» и ширпотреб и даже успевают при надобности вздремнуть.

Работать мне совершенно некогда: я все время болтаюсь по коридору и вызываю нездоровый интерес у сотрудников из других отделов. В коридоре от безделья наизусть выучил «Памятку», ведающую о том, как надо продуктивно работать, как беречь свое и чужое время, не повышать голоса и т. д. Все правильно. Раздражает меня только один пункт – «Будь особенно корректен с женщинами»... Но почему никто не написал, чтобы женщины были корректны с нами, мужчинами?

Но работать надо, что-то в последнее время подозритель-

но молчалив и вежлив со мной шеф и давно не рассказывает набившего оскомину анекдота.

И я решаюсь: вытаскиваю стол в коридор, поближе к кабинету шефа, и сажусь работать. И ко мне скоро привыкают, полагая, что у нас ремонт.

А вчера произошло маленькое радостное событие. В другом конце коридора появился еще один стол, а за ним – гражданин.

«Выжили некурящего, квелого, – торжествую я, – теперь я не один, теперь жить можно».

Невыдуманные истории

Жив, курилка!

На приеме в поликлинике доктор, разводя руки, авторитетно заявил молодой маме: «Не волнуйтесь, голубушка, но... ребенок развит плохо: головку только в одну сторону поворачивает, в сердце нежелательные шумы, судя по всему, прогрессирующий рахит нас ждет... Будем лечить, а что получится – трудно сказать». Мама не дослушала толком до конца эскулапа, скорее домой, в слезах вся – жизнь кончается, ребенок – не жилец... А бабушка притянула к себе чадо, да и молвила: «Красота неопишная! Есть же ангел небесный!» И все заулыбались, все забыли. А внучка к 17 годам расцвела, как молодая яблонька, без всякого лечения. Внешность – оглядываются, фигурой – хоть на конкурс кра-

соты выставляй: 90-60-90! Здоровье – слава богу!

Бабушки давно нет на белом свете, а врач тот жив-здоров,
в поликлинике прием молодых мам ведет.

Сказ про Ивана Колоскова

В проулке, у своего дома, вернувшийся из очередного отсидки в тюрьге за драку, Иван Колосков утверждался, кочевряжился. Ловко поворачиваясь во все стороны огромным, похожим на пивную бочку туловом, размахивая ручищами-клевнями, он держал речь... «Я – Иван Колосков... Морда моя протокольная... Здоровья стальная... На спор любого быка сшибу». В деревне охочи до зрелищ: мужики, кто посмелее – поближе подтягивались, бабы издалека любопытничали, ребетня под ногами винтовала. Одним словом, люд потихоньку прибавлялся. А еще больше народу собралось, через два дня, не считая этот, на деревенском погосте... Хоронили Ивана Колоскова, осилившего за неполный день и ночь молочный бидон с брагой...

Чок-молчок

Варваре нашей в каждодневной суете, беготне по городу нет да нет старинный друг встречается, чуть ли ни с детских лет в нее влюбленный, но не покоровивший вершину счастья. Как увидит, загорается весь, не молчит, слова про наболевшее, про любовь и чувства разные из его уст так сыплются: в гости приглашает, на свиданье намекает. Она каждый раз его одергивает, отбивается, женатые, мол, семьи, дети, а тут любовь, об этом ли говорить в наше время. А годы летят, пачками по пять штук, только отскакивают, а друг детства не меняется, каждый раз при встрече слова новые про любовь находит, отродясь ею не слыханные, ни от мужа, ни от детей, только в книжках читанные, давно позабытые. Тревожит сердце Варвары друг детства. И не сознается себе Варвара, что уже слабеет в защите, ждет Варвара встреч, слов ласковых, любовных, только ей предназначенных, они для нее как отдушина от будничного засилья. Даже заволновалась в последнее время – давно друга не видно.

А вчера пришла на работу печальная, чуть ли не в слезах, не знает, что делать – радоваться или огорчаться. С другом в очередной раз свидалась, и тот впервые – все про дачу, да компоты, что они с женой позакрывали, про соленья и варенья, да еще – про детей: младшая мебель поменяла, на Юг съездила, сын за рубеж проник, в бизнесе крепнет, внук...

а про любовь друг детства ни жу-жу, чок-молчок, ни гу-гу.

Павильон

К автобусной остановке «Шахта «2-я Бибииковская» я подошел одновременно с незнакомой мне женщиной, на которую сначала не обратил никакого внимания. Вот только вела она себя как-то беспокойно. До автобуса примерно полчаса, целых полчаса. Что делать? Пристроился на лавку и стал ждать автобус, изнывая от скуки, а кругом грязь, мусор, неухоженность. Таковы реалии нашего времени: автобус ходит не по расписанию, на автобусной остановке, наверное, год не убирались... А женщина ведет себя странно, порхает вокруг павильона... Смотрю, уже наломала полыни, разыскала проволоку и связала веник – и пыль столбом. Минут через пятнадцать территория вокруг павильона подметена, мусор собран на подвернувшийся картон и доставлен женщиной в ближайший контейнер. И на этом она не успокоилась: из сумки достала кусок белой тряпки и стала протирать сломанные лавки и павильон. Наверное, женщина и покрасить бы его успела и лавки отремонтировать, дай краску, кисть и молоток, но появился автобус. Я только и успел спросить: «И охота вам было уборкой заниматься, грязь возить, как говорится, за здорово живешь?» – «Да что вы, – удивилась женщина, – на такой беспорядок просто не могу смотреть, терпеть пыль, грязь не в моих силах» и продолжала уже на ходу: – Людей жалко, иные ворочаются в грязи как

тараканы, а пальцем даже для себя не пошевелил... пусть теперь хоть немного порадуются.

Нонсенс!

Кандидат в мастера Максим Кудряшкин опять выиграл первенство города по шахматам. В его позиционных тисках, с вспышками комбинационных ударов отчаянно барахтались и поочередно погибали мастер, десяток кандидатов в мастера, сильные перворазрядники. В основном люди, несомненно, способные, большая часть некурящие, малопьющие, соблюдающие режим и при должностях, одним словом, устроенные в жизни. Проиграл Максим Кудряшкин только в последнем, ничего нерешающем туре, «зевнул» ферзя и только потому, что был не в форме... впервые на турнире играл партию трезвым!

Везучая наташка

Опять в деревне только и говорят о везучей Наташке Краюхиной... Опять она первой успела к аварии на трассе «Москва-Рязань» и до приезда милиции нагребла и переправила домой шесть ведер персиков и мешок черешни. В прошлый раз, когда здесь же случилась другая большая авария с жертвами, улов у нее оказался гораздо богаче, тогда она ухватила ящиков десять помидоров, штук пятьдесят электролампочек, правда, большой мощности, которые долго не могла никуда пристроить, и пар десять-пятнадцать новых резиновых сапог. Но и это не все: говорят, был найден ею и кошель; к сожалению, содержимое украл зять и крепко загулял. Правда, не все было пропито: зятка настигла белая горячка и содержимое кошеля исчезло в вытрезвителе. Но и тут Наташке повезло – зять не убил ее, хотя и гонялся за ней с топором.

Мудрый совет

– Бабушка, бабулечка!

– Ну, что тебе?

– Я на работу хожу через базар, а там столько всего... хочется купить и того, и этого... Но денег нет.

– А ты, внучка, не ходи через базар.

Повезло

К 35-ти годам Виталик, по его словам, отсидевший за «правду» в тюрьме, обзавелся семьей и... окончательно отвык работать, хотя был здоров как бык. Время проводил в пьянках с дружками, в драках с женой и жалобах на жизнь: никто его не понимает, нет дела по душе, не идти же в дворники... Одним словом, умудрялся жить не работая и ни за что не отвечать. Но недавно Виталик по пьяной лавочке угодил под грузовик, другому бы конец, а Виталик выжил; ему без лишней волокиты дали вторую группу и все виды на первую... Все вокруг него в трансе, а Виталик не унывает, даже хвастает: «Живу как хочу, ничего не делаю, работать не положено, а денежки по инвалидности идут...»

Не так жил

Это был большой человек на нашем предприятии. Всегда на виду, по служебной лестнице поднимался снизу вверх неотвратно, как лифт. Общественный деятель – да таких свет не видел, по профсоюзным делам ему не знали равных. В полшаге от должности зама остановился. Общественник, организатор, рационализатор, наград – не счесть. Орденосодец. А семьянин какой! Всем на зависть. Дети далеко пошли... И вот ветерана в одночасье не стало. Вы, наверное, видели некролог в печати, с фотографией 25-летней давности. Искренне скорбим... Но возвращаясь с поминальной трапезы, я посочувствовал Самому, какого, мол, человека потеряли...

– Да ну его, – отмахнулась авторитетная личность, с чьим мнением я не смею не считаться, – чудной был – не пил...

Дело было вечером

– Володя, послушай... Вот ты рассказывал, что после работы или в выходные дни вы любите собираться во дворе с друзьями посидеть, время провести, ну и о чем вы говорите?

– Да ни о чем... все давно переговорено.

СВИНСТВО

- Как поживаешь, Жуков?
- Живу как желудь... каждая свинья может съесть.

Безработица...

- Привет, Витек!
- Здорово.
- Чо смурной?
- Башка трещит после вчерашнего... бригадой одного в отпуск провожали.
- А как же на смену, не опоздаешь?
- Не пойду, бригадир только рад будет, да и ребята подработают. Это не то, что раньше.
- А друг твой Генка-сварщик на работу устроился?
- Не-е... С комплекса и подсобного хозяйства к нему подходили, а вчера фермер был... на работу зовет, дел много по его части.
- Ну и что, оформился Генка?
- Да некогда ему сейчас... пьет.

И не спрашивай

– Как дела, Тамара?

– Ой, и не спрашивай... совсем озверела без работы.

Психология

Не год и не два живя в деревне, я от собак мучился: по ночам воют, причем на разные голоса, спать не дают. И уши затыкал, и окна одеялами занавешивал... Ничего не помогало... А тут как-то идет мимо дома Кузнечиха с Вылетовки: хлеб из магазина тащит, да и остановилась с соседкой, тары-бары – растабары, значит. Только слышу разговор: «Ох, соседка дорогая, как я люблю, когда по ночам собаки брешут, музыка я тебе скажу, послушаю, послушаю да и засыпаю как мертвая...» Вот, думаю, чудеса-то! Музыка? А ночью услышал голоса собачьи, как они на разные голоса заливаются, поют свои собачьи песни, и такой меня покой охватил, что не заметил как в сон провалился.

И с тех пор: услышу собачьи концерты – и сразу сон одолевает. Одним словом, психология.

Интересно

– Что это ты, Варвара Петровна, среди белого дня в рабочее время подкрашиваешься, красоту наводишь? Или на кого глаз положила?

– Слышали, по радио объявили: меня и главного технолога к директору вызывают, на ковер.

– Не боишься?

– Ни капельки. Интересно даже. Зайдешь в одной должности, а выйдешь – в другой.

Встреча с юностью

Бывший шофер Иван Краснов после аварии, когда по его вине погиб человек, и после развода с женой, живущий в трех измерениях – пьянство, курево и случайный заработок, спешил к нам в деревню, на подмогу. Ждали мы его часам к восьми вечера, а он появился только к восьми утра. В этот раз все у него сложилось не так: не был пьян, забыл в спешке курево. Попутку, правда, поймал быстро, но из-за отсутствия выпивки и табака страшно мучился и с горя заснул, так и проспал 227-й километр Воронежской дороги, где ему надлежало выходить. Очнулся глубокой ночью, где-то за Богородицком. Далеко позади остался Узловский район. И всю ночь, шарахаясь от догоняющих машин, ослепнув и оглохнув от встречных, шел назад пешком.

– И о чем же ты думал всю дорогу, Иван?

– О юности...

ХВОСТИК

Юмористический рассказ

Пилкин появился неожиданно, с другой стороны деревни, выйдя навстречу растянувшемуся на километр стаду. За неимением штатного пастуха коров и овец пасли по очереди. Сегодня настала очередь Пилкина. Пилкин, бывший фронтовик, чудом уцелевший до наших дней – всех его «годков» скосили болезни и вино – почти бежал, с трудом переставляя негнущиеся в коленях ноги. И сразу ко мне... «Э-э... ваш баран романовский, э-э... в Заречье перебег... за яркой там гоняется... как попал туда не видел... я было за ним, да где там – летит как чумовой... щас за садом у Романыча мотается... выручай, может, он тебя послушается». Я бросил лопату – чеснок подождет, – крикнув жене о случившемся, и поспешил вниз к реке, стараясь не думать о хлипком наваждении, мосточке без перелил и многих перекладин, который бабули обычно преодолевают ползком, а один мужик шмякнулся в воду и чуть не утонул; мотоциклист хотел в этом месте «перелететь» Шиворонь с ходу. Молодца вытащили сразу, а мотоцикл выволакивали целый день. Но препятствие я преодолел мгновенно, испугался только на другом берегу, оглянувшись на свинцовую стылость воды... Барана я заприметил сразу. Ничего не ска-

жешь – хорошо стервец! Масть серая, с каким-то голубоватым оттенком, передние мослы – с черным отливом, морда белая... килограммов на 60—70 потянет... Сейчас я его скручу. Но бродяга не узнает меня и за хлебом не лезет. Видно, страсть ему рассудок помутила, носится вокруг дома, прыгает через штакетник, в сад рвется, куда его подругу хозяин загнал. Заглянул и я, а там ярка черная, мелкая, породы обыкновенной – другому представителю овечьей породы голову кружит, а на романовского, значит, ноль внимания. Проявив смекалку и удивительную работоспособность ног, улепившись с ног до головы в репы, я выгнал барана на улицу, к дороге, с намерением через плотину направить домой. Но в последний момент серый разбойник сиганул через подвал и опять очутился у сада. Но и я не дал маху, продравшись не хуже барана через две изгороди, но только с другой стороны, чудом проскочив под носом цепной собаки, которая от ярости даже не могла лаять, а только хрипела, я выскочил было беглецу наперерез. Но, увы, поздно: барана уже увидел сзади. Я за ним, он от меня. И тут я с тоской понял, что надо было бы одеть ботинки полегче, что живот подтянуло и не мешало бы перекусить. Со злости съел кусок хлеба, приготовленный для барана, немного успокоился и стал думать, как перехитрить непослушную животину. У человека разум выше, тем он и отличается от скотины. Что-то надо предпринять. Что?.. Но тут на пороге дома показался сам Романыч, ему за восемьдесят, но он крепок и мог еще, не кряк-

нув, уложить вовнутрь стакан – другой самогонки.

«Ты его, милоч, пымай, а я тебе рыскало одолжу», – подсказал дед. Но «пымать» перебежчика не удалось. Он как заводной носился вокруг домов и сада. Вскоре к нам присоединился Санек Чернов, как всегда находившийся на «взводе». Тоже мужик послушный... Я расставил братию по местам, с надеждой отсечь барана от сада. Мужики вооружились – один слегой, другой доской – и теснили романовского красавца от злчных мест. Но красавец не дремал – с разбегу сиганул между Романычем и Саньком, причем доска первого угодила в пятку последнего. Нечувствительный к боли Санек захромал, но не сдавался и даже выступил с предложением: «Сейчас я тележку в проулке водворю и бревна взметну». Но баран играючи перескочил и эту баррикаду. «Ловок чертяка, небось, тышш на сто с гаком потянет», – мечтательно произнес Санек, видимо, переводя стоимость чертяки на бутылки со спиртным. «Ты сначала пымай, а потом цени», – поддел его Романыч... «Нужна подмога», – с тоской подумал я, глядя на поскучевшего Санька и как-то обмякшего деда. И помощь пришла в лице соседки Романыча, пенсионерки Клавдии Максимовны. По ее совету в какие-то полчаса мы загнали романовского бойца к овцам, в сад, потом всех вместе в хлев. Я вооружился рыскалом. Санек вцепился в барана сзади, а Максимовна смущала бунтаря сухарем. Романыч был поставлен на пост у двери, чтоб вмиг дверью защемить безрогую баранью башку. Наконец я накинул ременную

петлю на баранье тулово, и общими усилиями мы выставили его на свет. Но баран, урузумев в чем дело, лихо крутанулся и рванулся назад к хлеву, и все мы тут же повалились друг на друга, но рыскало я не выпустил, хотя и протащился за бараном до самых дверей хлева, где все мы благополучно и застряли. Самым слабым звеном оказался Санек – лежал ничком, как неживой, сохранившая больше сил Максимовна молчком выбралась из завала первой, а вот Романыч исчез из поля зрения. Был и нету. Потом вдруг обнаружили, что Романыч зачем-то лезет по лестнице вверх и уже добрался до шифера крыши.

«Хвостик, смотри, хвостик», – услышал я вдруг знакомый голос и увидел жену, добравшуюся до места событий. «Хвостик, хвостик, не такой, – торжествующе повторяла супруга. – У нашего барана хвостик черный тонкий, чистый, сама стригла помню, а у этого – белый, широкий, лопатой, как у бобра, потому что неостриженный и весь в репьях... значит, выходит, что баран чужой!»

Я отпустил веревку и с ненавистью выставился на чужака, а бобр-баран отдыхал вместе с нами, мирно хрустел сухарем, тянулся мягкими добрыми губами к женщинам и непонимающе смотрел на нас. А может, и понимал все.

БЕГ ПО ПРЕСЕЧЕННОЙ МЕСТНОСТИ

Этюд

«Ругаться к вам на почту пришёл, – обратился я к заведующей. – Безобразие! Такая большая деревня, а целых два месяца почты не видно... Вот выбрал время – и к вам, разобраться с доставкой, наказать виновных. Надо же – ни газет, ни журналов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.